

Дарья СИМОНОВА

ВСЕ ЯБЛОНИ ЦВЕТУТ ОДИНАКОВО

Рассказ

Саше Смирновой

Всё началось с того, что славной девочке из 11 «г» не досталось партнера для латиноамериканского танца. Такая вот оскорбительная несправедливость. Хотя... эти частные несправедливости массовых торжеств! Имя им легион. Но почему-то именно теперь Зинаида Аркадьевна, пожилая учительница литературы, чувствовала день ото дня нарастающее раздражение.

Ей ли, старейшей и заслуженной, было не знать, что главное в организованном празднике – это радостное смятение. Неважно, что скажут с трибуны и чем порадуют музыкальные коллективы, важно, чтобы была суতোлка, шепоток приготовлений, согбенные пробегания между рядов отдельных персон – стыдящихся и деловитых, а также шуршание ответственных за чаепития и банкеты. Это значило, что волноваться не стоит, потому что исход любого действия предопределен. Но Зинаида Аркадьевна до последнего времени удушливо волновалась, как будто это ей предстояло выступать с хореографическим кружком и совершать манящие и внезапные латиноамериканские движения в облегающем блестящем платьишке. Были и другие движения: венский вальс, выступления гимнасток... – в школе уделяли пристальное внимание творческому развитию. Но с давних пор самой волнующей частью выступлений были румбы и самбы. Чего тут непонятного: неиссякаемый символ свободы. Чем дальше страна, тем проще ей сочувствовать. Заигрывать с её культурой. Впрочем, Зинаида Аркадьевна не имела ничего против. Ей нравилось испаноязычие. Она, как человек литературный, воспринимала все прежде всего через язык. Все эти содад, есперадо-десперадо, мучо густо, пор фавор придавали жизни особый вкус и ритм.

Но не теперь! Без видимых причин настроение Зинаиды Аркадьевны портилось тем стремительнее, чем ближе была дата Последнего звонка, который по традиции начинался с линейки и последующего концерта. А ведь раньше она видела в этой суতোлке высший смысл, от которого увлажнялись глаза. Школьный мирок становился величественным и ценным. Прощание с ним очередных выпускников – щемящим ритуалом. А в этом году выпускным был её класс – последний, где она была классной дамой. Ей уже не по силам потянуть следующий...

И вместо обычного трепета, который должен быть усилен во сто крат нынешними обстоятельствами, Зинаида Аркадьевна ощущала свое смутное фиаско. Да, началось все с выпускницы Айтаны, которая лила беззвучные слезы у окна на лестнице. Школа была пустынной в этой неурочное время. За окном ранняя жара заставила цвести даже старые и больные яблони.

– Что случилось? – зычно изумилась классная, как обычно дав волю своей живой мимике, и тут же устыдившись ее, потому что о таких делах надо вкрадчиво и тихо.

Но она не ожидала от Айтаны, крепкой четверочницы и оптимистки, не слишком способной по части основных предметов, зато танцующей чуть не с пеленок, такой вот мизансцены. Плачут слишком умные, впечатлительные, восприимчивые – прежде всего, к литературе, конечно! Так считала Зинаида Аркадьевна или Заза, как называли её ученики, удвоив инициалы. А танцоры... танцорам чего плакать?! Они не ломают костей, как гимнасты, не пропускают голы, как футболисты, не проигрывают нервных матчей, как шахматисты и теннисисты, они, чего греха таить, нарциссы по природе своей... Нет, Заза никогда не выдала своего крамольного убеждения – она была шумной, порывистой, но деликатной и сочувствующей. Она тут же, за доли секунды мысленно повинившись перед своей ученицей, тут же вспомнила, что у Айтаны больная, всегда утомленная мать, и семья, кажется, в тяжелом материальном положении. И одна радость и гордость – девочка

танцует... будь Айтана её дочкой, Заза не стала бы делать ставку только на одно легкомысленное занятие, но судить – увольте! Получается у ребенка – и слава богу.

Узнав о причине слез, Заза уже не могла оставить дело на самотек. Не такова была классная. Она расспросила плаксу с вездливостью молодого следователя. Итак, партнер Айтаны загремел в больницу. С переломом. Даже если выпишется к концерту – ему будет не до сцены.

– Что танцуешь? Быстрый танец или медленный?– допытывалась Зинаида Аркадьевна, словно скорость имела значение.

– Ча-ча-ча, – плачущим прерывистым шепотом ответила Айтана.

Та-ак, мстительно подумала Заза, я так и знала! её захлестнула необъяснимая враждебность ко всей этой хореографической выпуклости банановых республик. Словно бы в их культурном наследии крылась причина обидных несовершенств мира, обманутых надежд и сокрушительных форсмажоров. Зинаида Аркадьевна с мстительным азартом продолжила дознание, не преминув узнать о составе выступающих. И снова утвердительно крикнула про себя, убедившись в своей пессимистической правоте. Конечно, ЭТИ девицы без партнеров не останутся! Даже самые непредвиденные обстоятельства не приведут их к слезам на лестнице – им достанут гуттаперчевых мальчиков хоть из-под земли! Например, Света – дочка председательницы родительского комитета. Хорошая девочка, но ведь с младых ногтей карьеристка, – хоть про себя может старая кошелка сказать то, что думает?! – рассуждала Заза. А Леночка? Тоже хорошая девочка, даже прекрасная в смелости трактовок литературных образов. У неё пятерка по литературе. Можно поручиться, что она всегда уступит место «льготным категориям населения» – пассажирам с детьми, пожилым и инвалидам. Но вот если надо будет помочь совсем не льготному, обычному человеку – таким тоже бывает прескверно! – она не заметит. Случается, что обычным тоже нужна помощь. Когда-то с подругой Зинаиды Аркадьевны чуть не случился выкидыш в троллейбусной давке. Все потому, что невидимая невооруженному глазу беременность не позволяла женщине претендовать на место в транспорте, и будущую мать вытолкала потная старуха с волосатой бородавкой. Льготница, между прочим. Так вот, Леночка старухе уступит, а беременной на грани обморока – нет. И она не виновата в этом ничуть, просто...

...Господи Иисусе, почему я увлеклась такими скользкими и неправильными мыслями?! Они все для меня как дети, все мои птенцы, я не имею права перемывать им кости! – встрепенулась Заза. И в то же время, может, я имею право предполагать... потому что все предопределено уже с самого начала. Когда дети ещё пахнут как младенцы, то есть лет до одиннадцати. Зинаида Аркадьевна прекрасно помнила своих питомцев такими, когда принимала их под свое крыло. Разве кто-то сильно изменился за это время? Нет, речь не о взрослении, а о глубинной сути, о цвете и музыке души. Вот Володя, к примеру... юморной, но застенчивый, с математическим складом ума. Смешной, долговязый, на фотографиях всегда на заднем плане, и его лицо наполовину закрыто впереди стоящими. И так будет всегда: он не полезет вперед, тем более по головам, которые его закрывают. Будет тихим ученым. Судьбе придется покопаться за печками, чтобы его найти. Ему нужен амбициозный импресарио, – и хоть это слово из другой оперы, но смысл понятен.

Или вот Виктория. Называет себя на американский манер Тори. Выпендрейница и упрямец. Но есть в ней жажда справедливости. С мужчинами ей будет сложно. Пожалуй, будущая мать-одиночка или хозяйка маленькой фирмы. Впрочем, для неё возможна только творческая карьера, для продвижения по служебной лестнице она чрезмерная индивидуалистка. Есть ещё Машка, которая из касты танцующих ча-ча-ча. О ней Зинаида Аркадьевна думала без особой тревоги – она не её дитя, она из параллельного класса. Что тут скажешь – вульгарная потаскушка. Категоричные грубые родители – эти как раз полезут поперек батьки в пекло... Так что все предопределено с самого начала. Можно сказать, с зачатия. Как сказано в английской поговорке: трудись упорно, родись у лорда. Многие годы своими литературными уроками и внеклассными ухищрениями Заза бессмысленно боролась с предопределением. А ведь какое банальное донкихотство – искренне верить в силу слова! И что такое её литературный кружок по сравнению с хореографическим? Уж если перевести все на язык материи, то за слово платят куда меньше, чем за танец. Да что там платят!

Метким словом можно в момент биографию испортить... Зато одно искусное стремительное па делает тебя королевой вечера.

Зинаида Аркадьевна силком заставила себя вернуться к реальности. Что было делать с плачущей Айтаной? Можно было утешить её беззубыми словами, от которых, как теперь казалось, только хуже, можно было по-христиански оставить все как есть, – или же вступить в опрометчивую схватку с законом джунглей, благодаря которому побеждает более жестокая и красивая особь с испанским акцентом. Впрочем, романская языковая группа и все смуглые латиносы, вместе взятые, по большому счету не при чем. Им, если разобраться, тоже несладко – инфляция, безработица, военные конфликты... Тут дело в принципе: наверняка какой-нибудь Машке, сломай её партнер ногу, незамедлительно предоставили бы дублера. Айтана же – абсолютно без когтей. К тому же самооценка хромает: не нашелся ещё мужчина, что объяснит ей преимущества восточной красоты. О, этот мужчина не за горами! Дурное дело нехитрое, но пока он не замаячил на горизонте, надо действовать. Эта кисейная барышня за себя не постоит, куда ей до базарной Машки...

Итак, Заза решила на последний крестовый поход. Сколько можно вешать лапшу на внеклассном чтении о вознесении Ремедиос и о «Нашем человеке в Гаване», гордиться тем, что заронила в головы несмышленных зерно мировой культуры?! Только вот незадача – немалая её часть на счету Южной Америки. Типичный пример амбивалентности: Заза только теперь поняла, что всю жизнь неосознанно стремилась к тому, что так рьяно теперь отвергала. Бог мой, а что если проблемы вовсе не у девочки Айтаны, а у самой классной дамы? Впрочем, кому какое дело, Заза без пяти минут на полставки у Господа Бога. То есть на пенсии. Можно и набедокурить напоследок, не все же Белинского лохматить! Итак, престарелая училка непрестижных дисциплин против двух китов мироздания – блата и чистогана. Зинаида нарочно подстегивала себя все более крепкими и востребованными, в отличие от Белинского, выражениями. Она, как болельщик перед матчем, накачивалась ненавистью к воображаемому противнику. Пожалуй, Заза даже не смогла бы четко сформулировать, против чего восстала её неугомонная натура. Просто надеялась, что третий кит мироздания будет на её стороне.

Айтане было приказано вытереть слезы и завтра явиться на репетицию в полной боевой готовности. Потому что матч состоится при любой погоде. Зинаида Аркадьевна об этом позаботится. Первым делом она отыскала преподавательницу хореографии и сделала ей втык. Та от неожиданности не нашлась чем защититься. А ведь могла бы парировать очень просто: не ваша компетенция! У вас своя компания, у меня своя, я в ваши дела не лезу, и вы в мои не суйтесь. Такой ответ был бы невежливым, но справедливым. Но наглость города берет. Главное – буря и натиск.

– Скажите, если я найду для Айтаны партнера – она сможет танцевать на концерте? – тоном, для которого пришлось соскрести в комок нехитрые запасы надменности, высокомерия и способности подчинять себе подобных, спросила Зинаида Аркадьевна. Она была готова тут же рассмеяться и признаться, что решила поломать комедию на старости лет, но отступить было нельзя. Она обещала помочь.

– Да пожалуйста! – испуганно, обиженно и одновременно облегченно капитулировала коллега.

Второй этап операции висел на волоске – найти Айтане специально обученного амиго. Но у Зинаиды были наметки. Шура Колесов, окончивший школу шесть лет назад. Классная недавно встретила его на улице. Что ж, мальчик цветет и пахнет, к тому же в долгу у своей наставницы. Она прикрывала его от всевозможных санкций, когда он в ущерб урокам разъезжал по городам и весям, и даже засветился на телеэкране своей обезоруживающей улыбкой. Защищала она его не только потому, что попала под его порочное обаяние. У Саши котелок тоже варит – хоть и габитус свой он тренировал не в пример интенсивнее мозгов. Уж он-то шел нарасхват в хореографическом кружке, и ча-ча-ча Колесов сбавляет с закрытыми глазами, разбуди его среди ночи... Главное – застать его дома!

Высшие силы на сей раз покровительствовали авантюрам. Зинаиду Аркадьевну даже пробил испарина, когда она услышала в телефонной трубке знакомый голос. Шура удивился, отвлекся на другое, пытался увильнуть, но – право же, от решительной

учительницы русского языка и литературы даже Джеймс Бонд если уйдет, то изрядно покалеченным. Что уж говорить о желторотых птенцах. Конечно, Шурка согласился. Дальше – дело техники.

Следующая неделя довела Зинаиду Аркадьевну до стабильной истерики. На самом таком напряженном состоянии непросто квалифицировать одним словом. Недаром медицинские диагнозы всегда пространны и для просто люда пугающе нечитабельны. Но Заза не любила углубляться в такие эмпирии. Она была сторонником простых методов: болит – съешь таблетку. Муторно – поспи. Но теперь даже пригоршни таблеток не помогали, а сон совсем расстроился. Приходилось смотреть до рассвета в потолок полными слез глазами и отчитываться перед Богом о скверно проделанной работе...

А при палящем свете дня, искажающем реальность суетой и сиюминутными нуждами, Заза разочаровывалась уже не только в собственном призвании, но и в миропорядке в целом. Она даже перестала себя корить за это. Все несовершенства живой и неживой природы виделись, словно сквозь гигантскую лупу. Учительницу рассердила даже груда пластмассовых стаканчиков, обрушившихся у неё на глазах из чьих-то абстрактных рук. Точнее из рук того, кто слишком рьяно увлечен приятными хлопотами. Приятными и тщетными! Потому что праздничной посуде полагается разбиваться. Ложиться прекрасной горой осколков... Но сейчас все из пластика, не потому ли не везет нам? Фужер не может разбиться, и потому ничего не сбывается. Хорошей примете не дают работать, как талантливому режиссеру в былые времена. Меж тем плохие приметы, как и режиссеры, вполне приспособились... Мы перестали быть теряющими, а значит обретающими. Теперь даже на свадьбах не разбивают бокалы.

В разгар декадентского внутреннего монолога перед Зазой возник Шурик. Потому что именно он преступно лишил провидение груды стеклышек! А бывшая классная его в упор не видела. Вот до чего доводит депрессивное оцепенение даже самых острых на глаз метресс... Не подозревавший о подоплеках и оцепенениях Саша Колесов, которого школьные активисты вовлекли в предпраздничную сутолоку, спасительно прервал поток хмурых мыслей. Мол, что да как, дорогая Вы наша Зинаида Аркадьевна... Этот мальчик умел простую вежливость подавать как искреннее участие. И люди покупались на это. Хотя, где грань между «как выглядит» и «как на самом деле»? В конце концов, обман – не самая худшая терапия в наши времена.

Зинаида Аркадьевна быстро собралась и пошла в атаку, изображая себя прежнюю – напористую и воодушевленную. Дескать, Саша, как там ваши танцы-шманцы? Не подведи, братец, вы с Айтаной должны быть лучшими... – и далее в том же духе. Но, кажется, Саша так и не понял, зачем им быть лучшими и в чем особая важность маневра. Он вообще считал, что вполне можно было выйти из положения и без него – ну мало ли «в Бразилии Пэдров», как говорится?! Ах, милый Шурик, думала Заза, как же тебе объяснить мои внезапные смехотворные мотивы... считай, что у тебя просто легкая рука. Ты счастливчик, ты баловень, так вышло. И пока тебе фартит – поделись везением. Удача – как шальные деньги, ею надо делиться с недотепами. С девочками, которые плачут, с мальчиками, которых вечно закрывают головами впереди стоящие. Понимаешь, дружище, иначе удача проходит. Рано или поздно ей начинают завидовать, её отбирают, рвут на куски и портят, её эксплуатируют, за неё не благодарят. Единственный способ её сберечь – раздать правой рукой тайком от левой. Не ведать, что творишь. Впрочем, многие мои коллеги до сих пор считают удачу буржуазным предрассудком...

Зинаида Аркадьевна, конечно, оставила эти рассуждения при себе. Не всегда нужно, чтобы окружающие знали о твоих мотивах, тем более о твоей депрессии, душевных болезнях и упаднических умозаключениях. Нужно просто добиваться своего. И Заза бодро завела балладу о пластмассовом стаканчике, но уже в комической обработке. Шурик ей с удовольствием подыграл, пожурив за пристрастие к классическим сюжетам:

– Ах, Зинаида Аркадьевна, вы забыли о многообразии форм. Золотой век драматургии, когда ружье на стене было обязано стрелять в третьем акте, а стакан воды – разбиваться, давно сдулся. Есть театр абсурда, есть китч, есть гротеск, есть сюрреализм, есть, наконец, кинематограф потока сознания...

– Не надо о потоке! – вырвалось у Зинаиды. – Как бы в нем не захлебнуться...

Шурик улыбался – он принял реплику за примитивный каламбур.

В день концерта Зинаида Аркадьевна думала, что не встанет с постели – так было дурно. В словах «Последний Звонок» усматривалась апокалиптическая поэтика. Духота горячей пробкой затыкала легкие. Выходной костюм казался предсмертной сбруей, которая и затушит тлеющие угольки жизни в слабеющем теле. Но Зинаида Аркадьевна знала, что если сегодня и прозвенит её личный последний звонок, то она будет обязана принять его на боевом посту. Эта необходимость даже немного взбодрила учительницу, она заварила давно запрещенного врачами кофе и неспешно отправилась в школу. По дороге ей полегчало. Сладкий аромат цветения усыплял муку. Вероятно, в нем содержатся эндорфины. Причем, неважно, какие плоды получатся из этих дивных белых соцветий – кислятина диких яблонь, боярышник, вишня, антоновка, бузина... Сейчас они – лучшее, что вырастила Земля. И если есть на свете предопределение, то не ей, скромной наставнице, об этом знать. Пока все яблони на школьном дворе цветут одинаково. Пока дан ещё один день, и пища, и радость, и путь.

На торжественной линейке опять накатила дурнота. Больше всего Зинаиде Аркадьевне не хотелось оказаться немощной на виду у всей школы. Она не позволит выводить её под руки! Поэтому сама бочком, бочком, держась за стенку, не вышла – выплыла из актового зала. Спустилась в класс, присела за свой стол и позволила себе малодушные слезы. Мимо открытой двери по коридору пробежала стайка девочек в облегающих блестящих платьицах. Казалось, за ними шлейфом катились круглые испанские слова, но это были только вспышки ассоциаций. Корасон эспинаро. Что-то глупое, счастливое и несбыточное чудилось в этой фонетике. Цветное, круглое и пустое, как воздушный шарик, но такое щемящее, сил нет... Как плохо быть старой, больной и слезливой. В сущности, то же самое, что быть совсем молоденькой. Когда-то Заза тоже плакала на лестнице. Но разве что-то изменилось...

Она так и не увидела триумфа собственной воли – танца Айтаны и Шурика. Конечно, они были лучшими, конечно, им аплодировали больше всех – кто бы сомневался! Заза вообще мало что видела, скорее ощущала: как кто-то вошел в класс, ойкнул, выбежал, прибежал, топот, шуршание, вода, бокал, звонки в «скорую», невозможный запах нашатыря... Сама себе поклялась: врачам не сдамся! Стало вдруг спокойно. Она вообще успокаивалась, когда предстояло за что-то бороться. Даже попыталась встать, пошатнулась, её подхватили, в сумятице столкнули вазу с цветами со стола... Заза услышала долгожданные осколки. Вот тебе, Шурик, и театр абсурда! Господи, зачем-то меряют давление, – Зинаида Аркадьевна почувствовала приятно сдавливающий манжет на руке.

– Какие смешные, – шепотом сказала Заза. – Я без вас знаю, что у меня сейчас где-то двести на сто. Дайте мне две таблетки из моей сумки, и через сорок минут я буду в норме!

Она чувствовала, что пока никого не убедила, но это поправимо. Кому незнакомо это блаженное состояние, когда очнулся после сна, в котором происходило что-то смутно важное. Когда первые мгновения наяву чувствуешь себя окрыленным победителем, только о твоей победе никто никогда не узнает.

